

ОК-821
Д-369

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. С. Дерябин

**Психология
личности
и высшая
нервная
деятельность**

612.821
D 369

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО КОМПЛЕКСНЫМ ПРОБЛЕМАМ
ФИЗИОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ
ИНСТИТУТ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ФИЗИОЛОГИИ И БИОХИМИИ
ИМ. И. М. СЕЧЕНОВА

В. С. ДЕРЯБИН

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ВЫСШАЯ НЕРВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(психофизиологические очерки)

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1980

137

Психология личности и высшая нервная деятельность. (Психофизиологические очерки). Дерябин В. С. Под редакцией и с предисловием Б. Ф. Сергеева. Л., «Наука», 1980. 199 с.

Настоящий научный труд — публикация научного наследия видного физиолога и психиатра. Монография состоит из трех разделов, носящих авторские названия «О сознании», «О я», «О счастье». В разделе «О сознании» проблема сознания рассматривается в двух аспектах: содержание сознания (социальный аспект) и его материальный субстрат (психофизиологический аспект). В разделе «О я» автор исследует я как субъективное отражение функционального единства на уровне коры головного мозга аффективности, интеллекта и активности. В разделе «О счастье» проводится психофизиологический анализ переживания счастья с позиций психологии, физиологии высшей нервной деятельности и психопатологии, а также подробно рассматривается социальный аспект проблемы. Перечисленные разделы монографии объединяют как содержание, посвященное актуальным проблемам современной психологии, так и общность рассмотрения с позиций диалектического материализма и психофизиологического единства. В монографии намечаются пути разработки вопросов «структура личности», «роль чувств и эмоций в мотивации личности» и др. с учетом конкретных психофизиологических механизмов. Лит. — 207 назв.

Ответственный редактор

Б. Ф. СЕРГЕЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга является продолжением публикации научного наследия видного советского физиолога и психиатра профессора В. С. Дерябина. Первая часть этого наследия — «Чувства, влечения, эмоции» — была подготовлена к печати и опубликована издательством «Наука» в 1974 г. Настоящая книга включает несколько вполне самостоятельных, но тесно между собою связанных психофизиологических очерков «О сознании», «О я», «О счастье».

Эти очерки, написанные как законченные самостоятельные работы, не были опубликованы при жизни автора, однако рукописи оказались достаточно хорошо подготовленными к печати, поэтому при редактировании в них внесены лишь незначительные стилистические исправления. Собранные воедино, они воспринимаются как цельное произведение, посвященное важнейшим проблемам психологии личности. Поскольку сознание, самосознание и другие вопросы психологии личности рассматриваются автором с психофизиологических позиций в свете закономерностей высшей нервной деятельности, то при издании книга получила название «Психология личности и высшая нервная деятельность».

Интерес к психофизиологическим проблемам складывался у Викторина Сергеевича Дерябина на протяжении всей его долгой жизни (1875—1955). Сам Викторин Сергеевич так писал в письме внуку о том, что побудило его обратиться к изучению этих проблем: «Я когда-то думал, что человек — существо разумное, одаренное свободной волею, но, когда перед моими глазами прошла жизнь многих людей в разных ситуациях, я увидел, что дело не так просто, что я, в сущности, не знаю, что такое человек... Человек знает себя со стороны своих чувств, желаний, надежд, опасений, симпатий и антипатий, своих мыслей и намерений, но не знает, как и почему они возникают, не знает их материальной физиологической обусловленности. Из этого незнания вытекает много самообманов, иллюзий, заблуждений, о которых человек не подозревает. Он очень часто не сознает, что чувства, желания, эгоизм, честолюбие и т. д. управляют его разумом. Когда я увидел это, передо мной встал вопрос: что такое человек с его „свободной

волей" и поступками? И я стал психиатром, изучал психологию и физиологию центральной нервной системы, и это определило направление всей моей работы, стало делом жизни. „Человекознание" — понимание человека, а следовательно, и самого себя, теперь может быть основано на научных данных, хотя отдельные отрывки знания еще не соединены воедино. Я сделал попытку хоть отчасти систематизировать факты в своих работах „Чувства, влечения и эмоции", „О я", „О сознании", „О гордости", „О счастье"».

Биографические данные о научной деятельности В. С. Дерябина представлены в книге Д. Г. Квасова и А. К. Федоровой-Грот «Физиологическая школа И. П. Павлова» (Л., «Наука», 1967) и в предисловии к его книге «Чувства, влечения, эмоции» (Л., «Наука», 1974). Это позволяет лишь кратко напомнить вехи, определившие круг научных интересов В. С. Дерябина. Будучи исключенным из двух университетов России — Московского и Юрьевского — за активное участие в движении революционного студенчества, он был вынужден для завершения медицинского образования в 1906 г. уехать в Германию. Учась на медицинском факультете Мюнхенского университета, В. С. Дерябин с увлечением слушает лекции крупнейшего психиатра Э. Крепелина. Именно в этот период у него зародился глубокий интерес к психической жизни человека, определивший в дальнейшем выбор специальности — психиатрии. Важными этапами в научной жизни В. С. Дерябина явились периоды работы под руководством И. П. Павлова в его лабораториях при Военно-медицинской академии и Институте экспериментальной медицины в 1912—1914 и в 1933—1936 гг. Такая работа не только оказалась прекрасной школой физиологического эксперимента, но и определила его интерес к физиологии как к объективно-научному методу изучения психических явлений.

Многолетняя работа В. С. Дерябина в качестве психиатра, в частности исследования психопатологических изменений при эпидемическом энцефалите (1926, 1928) и сифилисе (1934), укрепила его убежденность в материальной обусловленности психических явлений. Однако состояние психиатрии того времени глубоко не удовлетворяло В. С. Дерябина. В автобиографической записке он пишет об этом так: «Работая по психиатрии, пришел к заключению, что, руководясь клинико-психологическим методом исследования, психиатрия после установления основных нозологических единиц зашла в тупик, что выяснение патологической сущности психических заболеваний может дать лишь материалистическое исследование, и в первую очередь физиология и патофизиология нервной системы» (Квасов, Федорова-Грот, 1967, с. 98). Это побудило В. С. Дерябина в 1933 г. оставить кафедру психиатрии Восточно-Сибирского медицинского института в Иркутске, профессором которой он состоял, и перейти на работу в область физиологии. Если учесть, что В. С. Дерябину в то время было 58 лет,

то факт этот говорит о большом мужестве и целеустремленности ученого. С декабря 1933 г. В. С. Дерябин работает научным сотрудником 1-го разряда в ВИЭМ по отделу специальной и эволюционной физиологии под руководством академика Л. А. Орбели, что несомненно определило его стремление рассматривать функции человеческого организма в их становлении и развитии.

Основные физиологические работы В. С. Дерябина выполнены в последнее 20-летие его жизни и посвящены главным образом экспериментальной разработке вопросов высшей нервной деятельности, стоящих перед психиатрией. Таковы его труды о влиянии повреждения таламуса и гипоталамической области на высшую нервную деятельность (1946) и по изучению механизмов бульбокапниновой кататонии у собак (1947а—1947г, 1951б). Тогда же В. С. Дерябин пишет и ряд работ психофизиологического содержания. Еще в 1927—1928 гг. им был подготовлен первый вариант монографии «Чувства, влечения, эмоции», над которой автор работал до конца жизни. Таким образом, В. С. Дерябин является пионером изучения эмоций в нашей стране. В 1944 г. вышла из печати его статья «Эмоции как источник силы». Позже В. С. Дерябин выступает в печати со статьями «О путях развития учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности» (1951а) и «Аффективность и закономерности высшей нервной деятельности» (1951в), в которых снова привлекает внимание исследователей к изучению чувств, влечений и эмоций как важных компонентов высшей нервной деятельности. Серьезной заслугой В. С. Дерябина является то, что известные представления об аффективности он развил в оригинальное учение о роли ее в психике и об эволюции аффективности. Эти взгляды изложены в его книге «Чувства, влечения, эмоции» (1974) и в разделах «О я» и «О счастье» данной монографии.

О давнем интересе В. С. Дерябина к психофизиологической проблеме свидетельствуют опубликованные работы «К истории психологии» (1925), «О закономерностях психических явлений» (1927) и «Душа и мозг» (1940). Однако основные работы В. С. Дерябина, посвященные психофизиологической проблеме, полностью не были опубликованы. В 1933 г. В. С. Дерябин начал работу над монографией «О счастье», которая в послевоенные годы была им переработана. В 1946—1947 гг. были написаны очерки «О сознании» и «О я», над которыми автор работал и в последующие годы своей жизни.

Следует отметить важную особенность, наложившую отпечаток на содержание всех психофизиологических работ В. С. Дерябина, — глубокую приверженность идеям диалектического и исторического материализма. Понимание материалистической диалектики как науки о взаимной связи и взаимной обусловленности явлений сказалось в синтетическом подходе к рассмотрению вопросов, составляющих содержание книги, предлагаемой вниманию читателей. Только в русле марксистско-ленинской методологии

оказалось возможным вплотную подойти к решению вопросов психологии личности. Это получило в настоящее время достаточно широкое признание. Недаром на Западе все чаще высказывается мнение, что единственной альтернативой методологических и теоретических концепций современной буржуазной психологии может быть лишь диалектический материализм.

Вопросы психологии личности, в частности сознание и самосознание, находятся в центре внимания представителей различных специальностей — психологов, социологов, философов, педагогов, психиатров и др. Но в гораздо меньшей мере они изучались с учетом психофизиологических механизмов. Между тем только в единстве биологического, психологического и социального эти вопросы могут получить достаточно глубокое истолкование. При этом не следует забывать, что самые сложные психические явления (в том числе и социально обусловленные) по механизмам своего возникновения в головном мозге являются процессами психофизиологическими. На это неоднократно указывали корифеи отечественной физиологии И. М. Сеченов и И. П. Павлов. В. И. Ленин в своем знаменитом произведении «Материализм и эмпириокритицизм» подчеркивал, что «ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи». Поэтому представляется методологически правильным психофизиологический подход автора к рассмотрению проблем, стоящих перед психологией личности, — сознания и самосознания, мотивации и др.

В своих работах В. С. Дерябин неуклонно придерживается принципа материалистического монизма, который применительно к человеку конкретизируется как принцип психофизиологического единства. Второй важнейший принцип — это диалектический принцип, согласно которому человек есть результат филогенетического, эволюционного развития и вместе с тем является продуктом длительного общественно-исторического развития. Последовательное применение принципов материалистической диалектики позволило В. С. Дерябину избежать дуализма в рассмотрении биологической и социальной природы человека. Это сказалось в том, что, уделяя основное внимание рассмотрению вопросов с психо

и Ф. Энгельса автор указывает, что общественное бытие индивида определяет содержание и направленность его сознания. С изменением способов общественного производства, с переходом от одной общественно-экономической формации к другой меняется и сознание людей. Важно отметить, что в соответствии с требованиями материалистической диалектики обсуждается вопрос о взаимовлиянии бытия на сознание и сознания на бытие и подчеркивается активная роль сознания.

С психофизиологических позиций сознание рассматривается как функция мозга, непосредственно связанная с его механизмами, в первую очередь — с механизмами высшей нервной деятельности. При этом автор подчеркивает, что сознания как особой психической функции, отдельной от других психических функций, нет. Высказывания автора подтверждаются данными психопатологии последнего времени, которые свидетельствуют о том, что ослабление, нарушение или выключение отдельных или нескольких психических функций вызывает то или иное нарушение сознания.

В разделе, посвященном ограниченности и неполноте человеческого сознания, автор методологически правильно решает вопрос о соотношении сознательного и бессознательного в психической деятельности, о детерминизме и индетерминизме человеческого поведения. В последнем вопросе В. С. Дерябин выступает как последовательный детерминист, подчеркивая объективную обусловленность человеческих влечений, эмоций и поведения (аффективности), их зависимость от физико-химического состава крови, состояния вегетативной и эндокринной систем. Автор подчеркивает, что в человеческом обществе аффективность не господствует над психикой индивида, а подчиняется коррегирующим влияниям коры головного мозга, обусловленным воспитанием и установками данного классового общества.

В разделе книги «О я» автор подробно описывает свои взгляды на структуру самосознания. Важнейшим компонентом я автор считает аффективность, которая на основе временных связей взаимодействует с интеллектуальными образованиями. Аффективность и ее следы (эмоциональная память) влияют на текущую жизнь и структуру я. За личным произволом и свободой воли к действию находятся принудительные механизмы, закономерные процессы. Автор показывает, что психическая активность по управлению мышлением, вниманием, припоминанием хотя и кажется человеку наиболее произвольной, но и здесь имеется объективная зависимость от аффективности, представляющей интересы личности, а воля я является функцией аффективно окрашенных представлений. Таким образом, становится очевидным, что активность — не деятельность какого-то автономного пункта я, а результат интегративной деятельности всего головного мозга.

Особый интерес представляют те разделы «Очерков», где автор обсуждает вопросы возникновения и развития общественного со-

знания, показывает обусловленность сознания материальной жизнью общества и классовой принадлежностью личности.

Несомненный интерес представляют социальные аспекты развития самосознания личности, тех ее качеств, которые человек приобретает в системе общественных отношений, формирования у одних лиц положительного социального чувства, типичного для представителей социалистического общества, и отрицательных социальных чувств — эгоизма, эгоцентризма, в первую очередь характерных для общества, основанного на классовой эксплуатации, — у других. В этой связи становятся понятны истоки психологического единства и сплоченности советского общества и народов, идущих по пути социалистического развития, где интересы субъекта объективно совпадают с интересами общества. Автор останавливается еще на одной стороне соотношения индивидуального и общественного сознания. Он показывает механизм перестройки сознания индивида в сторону позиций более прогрессивного класса или регресс к психологическим позициям менее прогрессивного, но господствующего в данный момент класса. Эти разделы помогут понять сложнейшие проблемы изменения сознания человека, происходящего в человеческом обществе.

Вопросы, рассмотренные в очерке «О я», являются весьма актуальными, так как автор подходит в нем к человеку как к сложно организованной системе, находящейся в психофизиологическом единстве, необходимом для поддержания гомеостаза и уравнивания с внешней биологической и социальной средой. Такой подход, выдвинутый автором три десятилетия назад, в наше время носит приоритетный характер. Особенно это относится к постановке проблем: интеграция соматических ощущений, соматопсихическая интеграция, высшая психофизиологическая интеграция и высшая интеграция психических функций. Взгляды автора на структуру сознания и самосознания являются чрезвычайно важными для понимания личности не только как совокупности социально значимых психических свойств, но и как отражения общей психофизиологической организации человека, являющегося одновременно существом социальным.

Третий раздел носит авторское название «О счастье». Раздел этот, монографический по своему характеру, представляется уникальным исследованием, так как до сих пор счастье не было предметом всестороннего научного изучения, в частности психофизиологического анализа. В настоящее время в нашей философской литературе счастье рассматривается как социологическая категория. Вместе с тем счастье — сложное психофизиологическое переживание. Таким образом, в этом явлении проблема соотношения биологического и социального находит свое концентрированное выражение.

Общий подход к проблеме счастья осуществляется автором с позиций диалектического материализма: исследуемое явление — счастье — рассматривается в его многочисленных взаимосвязях

и, кроме того, в развитии, как результат эволюционного и исторического развития. Диалектический подход проявляется в рассмотрении В. С. Дерябиным эволюции положительного чувственного тона ощущений и «общего чувства» в направлении возникновения на их основе положительных эмоций, вначале филогенетически более древних — радость, веселье, затем — более сложных.

Взгляды В. С. Дерябина на эволюцию аффективности, которая представляется центральным пунктом его психофизиологических исследований, позволяют с достаточной убедительностью понять генезис переживания счастья у человека как сложного, социально обусловленного психофизиологического явления, в развитии которого важнейшая роль принадлежит нравственному, культурному и эстетическому развитию личности.

Представляется важным выделение автором различных форм переживания счастья в отдельные разделы: «Экстаз», «Счастье как переживание особого рода», «Вызывание „счастья“ химическим путем». В последнем разделе автор подчеркивает, что алкоголь и наркотики ни в коем случае не могут быть средством к достижению счастья, указывая на разрушительное влияние на психику наркотических средств.

Следует отметить важную особенность, характерную для содержания всех разделов монографии. Как психиатр и невропатолог с большим опытом, обладающий значительной эрудицией, В. С. Дерябин приводит многочисленные клинические данные о нарушении сознания, самосознания и о патологических переживаниях чувства счастья при различных психических и неврологических заболеваниях. Приводимые примеры носят не только иллюстративный характер, они служат убедительным доказательством зависимости психики от ее материального субстрата — коры головного мозга. В этом отношении материал, приводимый автором, представляет интерес как для невропатологов и психиатров, так и для философов — в связи с освещением вопроса о материальной обусловленности психических явлений.

Труд этот несет на себе неизгладимый отпечаток личности автора — русского ученого, с первых лет Советской власти активно включившегося в строительство новой жизни. В Викторине Сергеевиче Дерябине соединились лучшие черты интеллигенции прошлого с чертами нового человека — активного строителя социалистического общества, гражданина и патриота. В этом отношении публикуемые работы В. С. Дерябина являются интересным памятником времени их создания.

Для личности В. С. Дерябина особенно характерен высокий гуманизм — горячее стремление сделать людей счастливее, уберечь их от многих заблуждений и ошибок, связанных с незнанием человеческой психики. Этой цели были посвящены все жизненные устремления В. С. Дерябина.

Монография В. С. Дерябина, несмотря на то что она впервые выходит в свет через четверть века после смерти ее автора,

представляет огромный интерес, так как помогает понять многие вопросы становления личности, еще не получившие научного истолкования и до сих пор не подвергавшиеся экспериментальному изучению, а также намечает пути для их дальнейшей разработки. На данном этапе строительства коммунизма в нашей стране на первый план выдвигаются вопросы формирования нового человека, борца за светлые идеалы коммунизма. Вот почему выход в свет монографии В. С. Дерябина особенно актуален в настоящее время. Она внесет весомый вклад в развитие теоретической и прикладной психологии.

Предлагаемая книга несомненно будет с интересом прочтена не только специалистами в области физиологии и психологии, но самым широким кругом читателей, в первую очередь молодежью, а также педагогами, врачами, работниками идеологического фронта, — всеми, кто в своей деятельности так или иначе связан с воспитанием подрастающего поколения, с вопросами организации труда, общения людей, с проблемами формирования человеческой личности.

Доктор биологических наук *Б. Ф. Сергеев*

О содержании сознания

Об отражении сознанием бытия. Проблема сознания издавна привлекала к себе внимание психологов. Подход к вопросу с психологической точки зрения неразрывно связан с философской отправной точкой зрения.¹

Философы, принадлежащие к двум основным противоположным течениям в философии — идеалистическому и материалистическому, — трактовали проблему сознания исходя из того, как они решали важнейший вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию. Те, которые, по словам Ф. Энгельса, утверждали, что дух существовал прежде природы, — философы идеалистического лагеря — признавали, что сознание существует независимо от материи. Так, Кант считал, что основой построения мышления и сознания являются «априорные идеи», не возникающие из опыта, а познаваемые путем воззрения (*Anschauung*) — внутренним чувством. Основными априорными формами он признавал пространство и время. Такими же априорными формами он считал количество, качество, причинность и др. На основе априорных идей, по его взгляду, сознание приводит в порядок хаос чувственных явлений и дает форму явлениям. Единство сознания создается благодаря единству изначально данных априорных форм.

«Абсолютный идеалист» — Гегель весь мир выводил из абсолютной идеи, которая в своем диалектическом развитии создает и вещи, и сознание. Моментами логического развития абсолютной идеи представлялись Гегелю все явления жизни, природы и развитие сознания человечества. Шуппе говорил о «мировом сознании». Объекты, по его концепции, сами по себе не существуют — они продукты мышления. Реальный мир имманентен сознанию (лежит внутри сознания). Мир един с познающим субъектом. Субъект—объект являются моментом мирового сознания вообще.

В цель настоящего изложения не входит подробное изложение взглядов на сознание философов идеалистического направления. Эти взгляды, разнообразные по форме трактовки проблемы, сходны между собой в признании общего всем им основного положения, что «дух существовал прежде природы», что сознание

обусловлено нематериальными процессами; с точки зрения идеализма дух — первичное, материя — вторичное производное; «мир находится под властью идей».

В противоположность этим взглядам философов идеалистического направления философы, стоявшие на точке зрения материализма, признавали, что идеи, сознание порождаются условиями материальной жизни и что сознание у живых существ появляется на известном уровне их эволюции, как функция головного мозга.

Диалектическим материализмом взаимоотношения субъекта и объекта трактуются в смысле развития субъекта в зависимости от материального мира, в котором протекает его жизнь. В. И. Ленин в его классическом труде «Материализм и эмпириокритицизм» дал яркое изложение диалектико-материалистической теории отражения сознанием человека объективно-реального внешнего мира. Основные положения ленинской теории отражения следующие: «...материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении...» (Ленин, т. 18, с. 149); «...ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» (там же, с. 46). Оно есть исходный пункт нашего познания. В ощущениях нам дается объективная реальность. В противоположность философам идеалистического направления, отрывавшим ощущение от внешнего мира, признававшим независимость сознания от материи, диалектический материализм устанавливает положение, что материя не зависит от ощущения: «Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи» (Ленин, т. 18, с. 50). Трактую вопрос о соотношении между мышлением и бытием, В. И. Ленин приводит слова Ф. Энгельса: «...мышление и сознание суть „продукты человеческого мозга и человек сам продукт природы“. Понятно, что „продукты человеческого мозга, будучи сами в конечном счете продуктами природы, не противоречат остальной природ

К. Маркс и Ф. Энгельс доказательство правильности материалистической теории познания видели в человеческой практике. В. И. Ленин так формулирует вопрос: «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине» (т. 29, с. 183). «Убеждение „наивных реалистов“ (т. е. всего человечества) в том, что наши ощущения суть образы объективно реального внешнего мира, есть неизменно растущее и крепнущее убеждение массы естествоиспытателей» (Ленин, т. 18, с. 372).

Теория отражения сознанием человека объективно-реального внешнего мира подкрепляется огромным материалом, который принесло с собой развитие естествознания, особенно за последние сто лет. Дарвин собрал огромный и вполне убедительный материал, свидетельствующий о том, что высшие животные и человек произошли от низших животных путем естественного отбора. Палеонтология показала, что мир существовал и тогда, когда не было человека. Человек представляет высшую ступень развития живых существ. Строение нервной системы, органов чувств, эволюция функций всех органов тела прошли длинный путь в истории животного мира, прежде чем достигли того вида, который они имеют у человека.

К. Маркс писал: «... не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т. д.), — одним словом, *человеческое* чувство, человечность чувств, — возникают лишь благодаря наличию *соответствующего* предмета, благодаря *очеловеченной* природе. Образование пяти внешних чувств — это работа всей до сих пор протекшей всемирной истории» (Маркс, 1956, с. 593—594).

Орган мышления и сознания, головной мозг, достигает у высших животных такого уровня развития, что они уже проявляют зачатки мышления и сознания. Ф. Энгельс по вопросу о сознании у животных высказывался так: «У животных способность к *сознательным* (курсив мой, — В. Д.), планомерным действиям развивается в соответствии с развитием нервной системы и достигает у млекопитающих уже достаточно высокой степени. Во время английской псовой охоты на лисиц можно постоянно наблюдать, как безошибочно лисица умеет применять свое великолепное знание местности, чтобы скрыться от своих преследователей, и как хорошо она знает и умеет использовать все благоприятные для нее свойства территории, прерывающие ее след. У наших домашних животных, более высоко развитых благодаря общению с людьми, можно ежедневно наблюдать акты хитрости, стоящие на одинаковом уровне с такими же актами у детей» (Энгельс, т. 20, с. 495). О начальном ходе развития человеческого сознания К. Маркс и Ф. Энгельс дали такие замечания: начало осознания того, что человек живет в обществе, «носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто

стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же — что его инстинкт осознан». «Это баранье, или племенное, сознание, — пишут они далее, — получает свое дальнейшее развитие благодаря росту производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения» (Маркс, Энгельс, т. 3, с. 30). И еще: «Сознание, следовательно, с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, есть вначале осознание . . . ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно — осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чужая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот; следовательно, это — чисто животное осознание природы (обожествление природы)» (т. 3, с. 29).

Мышление и сознание человека в истоках своих были близки к мышлению и сознанию животных, но между сознанием современного человека и животного огромная не только количественная, но и качественная разница. Человеческая психика стала неизмеримо богаче животной. Длинный исторический путь психического развития привел человека к тому, что он получил большое количество новых функциональных возможностей, не свойственных высшим животным: язык, абстрактное мышление, высокоразвитая воля, высшие чувства — моральные, эстетические и т. д. Если упустить из виду промежуточные звенья в ходе психического развития, то кажется, что непроходимая пропасть отделяет человека от его животных предков.

Причиной, стимулировавшей развитие психических функций человека, явился труд. Ф. Энгельс в блестящей статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (Энгельс, т. 20) показал, как благодаря труду и прямо

щее время — социалистическое. В соответствии с этим менялось и сознание людей. С появлением и развитием разделения труда явилась возможность перехода от сознания, «непосредственно вплетенного в материальную деятельность», к «чистому» сознанию. «Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание *может* действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может *действительно* представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, — с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию „чистой“ теории, теологии, философии, морали и т. д.» (Маркс, Энгельс, т. 3, с. 30). В развитии идеологии К. Маркс и Ф. Энгельс устанавливают отражения и отзвуки жизненного процесса людей: «Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» (там же, с. 25).

В ходе развития трудовой деятельности людей развилась наука. Возникнув из практической деятельности, наука оплодотворяла практику, а практика ставила новые вопросы и задачи перед наукой. Труд привел к образованию связей между людьми, а затем и к созданию мирового хозяйства, вовлекающего в свою сферу все человечество. И неслучайно наука и мысль изобретателей дали транспортные средства и средства связи, соединяющие все пункты земного шара. Наука стала одной из производительных сил. Изобретение письменности создало условия для сохранения результатов мышления выдающихся умов разных народов на сотни и тысячи лет. Развитие связей мирового

Нет человеческого общества вообще, а есть общество определенной экономической формации в исторически определенный момент ее развития. Человек вырастает в определенный исторический момент жизни общества и отражает его в своем сознании. Конкретно есть сознание определенного индивида, живущего в конкретной исторической обстановке. Его сознание и не может быть понято в отрыве от процесса его жизни. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали ошибку философов, заключающуюся в том, что «на место человека прошлой ступени они всегда подставляли среднего человека позднейшей ступени и наделяли прежних индивидов позднейшим сознанием» (т. 3, с. 69). К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Фейербах говорит о „человеке как таковом“, а не о „действительном, историческом человеке“. „Человек как таковой“ на самом деле есть „немец“» (т. 3, с. 42).

В классовом обществе у лиц разных классов под влиянием процесса их личной жизни вырабатывается дифференцированное сознание. Господствующий класс в классовом обществе выдает в качестве общественного сознания свое собственное классовое сознание. «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения» (Маркс, Энгельс, т. 3, с. 45—46).

Каждый господствующий класс имеет тенденцию свою идеологию считать общечеловеческой. Так, буржуазное общество проповедует общечеловечес

положение данной личности в обществе, его положение не только в определенном классе, но и в определенной группе этого класса, а также индивидуальную историю его жизни.

Таким образом, можно говорить об индивидуальном, том или ином групповом, классовом (буржуазном, пролетарском и т. д.) сознании, о социалистическом сознании. Правильное понимание соотношения индивидуального, группового или классового и общественного сознания дает диалектическое учение об единичном (отдельном, частном,* особенном) и общем. В. И. Ленин в своей работе «К вопросу о диалектике» пишет: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» (т. 29, с. 318). Без единичного нет особенного и общего. От отдельных единичных предметов совершается переход к особенному, а от особенного к общему.

Перенося это суждение на вопрос о сознании, можно сказать, что общественного сознания как особой сущности, стоящей помимо индивидуального сознания, нет. Конкретно может наблюдаться лишь отдельное индивидуальное сознание. Общественное сознание существует лишь через индивидуальное сознание, а индивидуальное сознание проявляет себя как общественное сознание, так как оно является отражением общественных отношений. Индивидуальное (единичное) сознание нельзя отрывать от группового (частного) и общего сознания. Это — три момента одного целого. Классовое сознание, как и индивидуальное, из которого оно образуется, порождается бытием того класса, который вырабатывает то или иное сознание. Но при этом следует принимать во внимание, что «всякое общее лишь, приблизительно охватывает все отдельные предметы», «всякое отдельное непол

Своя юрта, своя деревня — те пределы, которыми ограничена его сфера общения с людьми. Сознание Макара элементарно просто и непосредственно, зеркально отражает его жизнь.

Вот пред нами чеховские «Мужики». Они находятся в значительно иной обстановке жизни. Их сознание шире. Оно отражает более широкий круг жизненных отношений, но это такое же непосредственное отражение их тяжелой, грубой, скудной жизни.

Гоголь, Тургенев, Гончаров, Л. Толстой, Чехов и др. изобразили быт и духовные образы, сознание и внешний вид помещиков, крестьян, чиновников, ремесленников, полицейских и т. д., жизнь которых отошла в прошлое. У лиц разных классов и слоев общества — типичная внешность, прическа, одежда, манера вести себя, своя речь, свои желания и идеалы, симпатии и антипатии, обычные в данной среде семейные отношения, общепринятые отношения к лицам того же слоя общества и стоящим выше или ниже их по социальной лестнице; их развлечения, их песни и остроты, их мировоззрение, понятие о добре и зле, все их сознательные реакции носят печать их жизни. Их сознание отражает их бытие. По одежде, внешнему облику, поведению и складу мыслей можно почти безошибочно угадать, к какому кругу общества данный индивид относится.

Осматривая Третьяковскую галерею, видишь конкретное изображение лиц, исчезнувших из жизни. Студент-нигилист в плеле, огромный дьяконище «громоподобно» возглашает многолетие в купеческом доме. Видишь купеческий быт, обстановку, внешний вид «хозяина», костюмы и позы «молодцов». Всего этого нет. Изменилась материальная основа жизни, и ушли в прошлое люди с их бытом и сознанием, порожденными прежними условиями жизни. Нет купцов, изображенных А. Н. О

шествующих поколений, протекал по тому же руслу, закреплял влияние традиций и формировал аналогичное сознание.

Крестьянин не имел шансов сделаться помещиком, а помещик, как правило, не менял своего положения в жизни. Каждый шел по проторенной тропе, свернуть с которой для одних не было возможности, а для других не было достаточных побуждений. Конечно, и сознание людей, живших родовой жизнью, не менявшейся или, вернее, почти не менявшейся из поколения в поколение, не представляло полного сходства. Сознание ребенка, старика, женщины, живущих в определенных условиях, представляющих момент в истории общества, различно, но оно является отражением их социального бытия.

Элемент случайного — необходимый спутник в жизни человека: один силен и наделен крепким здоровьем, другой слаб, болезнен, перенес увечье, один безобразен, неуклюж, другой красив и ловок; один попадает в условия жизни маломощной семьи, другой вырастает в крепкой работоспособной семье и т. д. Патология может наложить печать на сознание, но и сознание урода есть отражение его социального бытия. Все особенности личной жизни так или иначе также отражаются на сознании. Могут иметься известные индивидуальные вариации, которые не получают выражения в сознании социальной группы или класса в целом.

Эти индивидуальные вариации сознания формируются под влиянием того же закона отражения сознанием индивида его материальной жизни. При гораздо более сложной структуре общества капиталистической формации, при возможности более легкого перехода из одного класса или слоя общества в другой, когда крестьянину представляется возможность ухода в город с рядом возможностей устройства иной жизни, когда отдельным лицам удастся подняться экономически вверх, а другие скатываются вниз, жизнь не предопределяется всецело рождением, а зависит от случайностей, куда относятся и личные

на процесс жизни, который отражает. Индивидуальное сознание не только ориентирует в жизненной ситуации, но и порождает адекватные ей действия, и в этом заключается его роль в жизнедеятельности индивида.

Камешек попал в ботинок. Человек снимает обувь и вытряхивает камешек. Захотел человек пить, встал, подошел к столу, налил в стакан воды и выпил. Люди убирают сено, видят надвигающуюся грозу и торопятся завершить стог. Все это акты, требующие сознания. Без сознания человек не может совершить простейшего действия.

В этих примерах ход процесса ясен почти как в дуге безусловного рефлекса: внешнее или внутреннее раздражение, его психическая переработка и тотчас же возникающая ответная реакция. Каждое звено реакции здесь гораздо сложнее, чем в безусловном рефлексе: тут и влияние следов индивидуального опыта, и эмоциональная и интеллектуальная реакции, и сложные заученные действия. Реакция не носит безусловного характера: если вода оказывается испорченной, человек не станет пить; если начался пожар на селе, то бросают метать стог и бегут в село, и т. п. Здесь ясно выступают те же три звена, что и в безусловном рефлексе, но сильно усложнившиеся, представляющие более высокий этап развития сложной нервной деятельности. Сознание в этих примерах дает ориентировку в наличной ситуации и непосредственно ведет к действиям, направленным согласно интересам индивида.

Все три звена могут подвергаться дальнейшему усложнению. Инженер изобретает машину, которая должна увеличить производительность труда. Есть побудительные причины, возникшие из условий социального бытия, которые направили его пойти по пути изобретательства, есть среднее звено — решение задачи на основании знаний, накопившихся в ряде поколений на основе трудовых процессов, и конечное звено — изобретение, которое в свою очередь оказывает обратное влияние на социальную жизнь, из которой исходил импульс к действию. Рабочий в капиталистической системе производственных отношений занимает положение, ущемляющее его интересы. Ос

адекватные его материальному бытию действия, сделалось одной из важнейших функций организма, без которой он не может существовать. С точки зрения диалектического материализма, отношение индивидуального (единичного) сознания к общественному сознанию определяется связью единичного, частного и общего. Основные свойства, присущие индивидуальному сознанию, в какой-то мере присущи и общественному сознанию.

Явления в сфере общественного сознания неизмеримо сложнее, но анализ устанавливает ту же основную закономерность. Классовое сознание порождается положением того или иного класса, оно проявляется в виде классовой идеологии и классовых чувств и ведет к классовым реакциям, вытекающим из жизненных интересов данного класса. Идеология каждого класса отражает и утверждает его жизнь. Классовое сознание стремится удержать то общественное бытие, которое соответствует его интересам, или, наоборот, изменить его так, как это нужно для улучшения жизни данного класса. Новые общественные идеи и теории потому, собственно, и возникают, что они необходимы для общества, что без их организующей, мобилизующей и преобразующей силы невозможно разрешение назревших задач развития материальной жизни общества. Новые общественные идеи и теории сами потом воздействуют на общественное бытие. Пролетарское сознание, отражающее положение рабочего класса в производственных отношениях, стимулирует его к изменению производственных отношений, под влиянием которых оно сложилось.

Понятен исторический спор В. И. Ленина с экономистами, умалявшими роль социального сознания. Ленин высоко ценил значение теории. Он дал теорию отражения сознанием объективной реальности и выдвигал сознательность как революционизирующую, руководящую силу.

Как индивидуальное сознание порождается жизнью индивида и является субъективным источником его действий, так общественное сознание порождается жизнью общества, его классов и составляет необходимое условие разрешения задач развития материальной жизни общества.

Если бы общественное сознание лишь пассивно отражало общественное бытие, оно

и оказывать свое действие в новых условиях, но они становятся при этом силой постольку, поскольку они соответствуют задачам, перед которыми стоит общество, в которое они проникают.

Об упрощенном понимании высших психических реакций. Положение «общественное бытие определяет сознание» не следует понимать столь упрощенно, что материальные условия во всех случаях просто и непосредственно определяют сознание, что действия людей основаны всегда на материальном расчете, сводятся к «интересам желудка».

Схематически простые отношения между органическими потребностями и психикой, господство их над психикой имеют место лишь у маленьких детей и были свойственны первобытным людям. В современном обществе органические потребности не играют той доминирующей роли, как у первобытного человека. Элементарные потребности, если они регулярно удовлетворяются, отступают на задний план. Вместо них выступают иные многообразные потребности, хотя и не важные для существования организма, но получающие доминирующее значение в субъективном сознании. Неудовлетворенная слабая потребность заявляет о себе сильнее, чем удовлетворенная сильная. С развитием экономической жизни появляется бесчисленное количество новых потребностей. Они утончаются в связи с интеллектуальным и эмоциональным развитием субъекта. Высшие потребности выступают на первый план, но если почему-либо органические потребности не удовлетворены, то декорация быстро меняется: органические потребности заявляют о себе со стихийной силой.

Богатство ценится не только потому, что приносит удовлетворение материальных потребностей, но и потому, что оно дает высокое положение в буржуазном обществе. Удовлетворение самолюбия, слава, почет могут цениться выше, чем материальная сторона, даваемая богатством.

Человек может руководствоваться не только узко эгоистическими побуждениями, а и побуждениями идеальными.

Онтогенетическое развитие сознания. Сознание людей прошло многовековой путь развития в связи с историческими изменениями экономической структуры общества. Сознание каждого отдельного человека также проходит определенный путь развития в ходе онтогенетического развития как со стороны содержания его, так и со стороны формы. Со стороны формальной происходит развитие функциональных возможностей психики по мере развития мозга и всего организма. Социальная полноценность признается за человеком в возрасте около 20 лет. Практическим результатом признания социальной зрелости является полная судебная ответственность за антисоциальные действия в советском государстве, предоставление избирательных прав и прочее. Прежде чем достичь этого уровня, человек проходит ряд этапов телесного и психического развития. В ходе физиологического развития совершается существенная перестройка вегетативно-эндокринной системы. Сменяется доминирующее влияние зубной, щитовидной, половых желез. В то же время происходит развитие головного мозга. Лишь к концу полового созревания происходит окончательная установка взаимоотношений внутренней секреции, вегетативной нервной системы и головного мозга, и регулирующая деятельность коры головного мозга разворачивается в полной мере. Развитие сознания с формальной стороны неразрывно связано с развитием нервной системы и всего организма. Повреждение мозга в период его развития вследствие травмы или заболевания может остановить дальнейшее его развитие, а вместе с тем и развитие психики.

Психические функциональные возможности в младенчестве, дошкольном и подростковом возрасте резко разнятся. В младенчестве психическая жизнь элементарна. Самочувствие младенца определяется почти исключительно соматическими ощущениями (голод, жажда, температурные ощущения). Если младенец сыт, находится в сухой теплой постели, он очень легко погружается в сон. Его психические процессы сводятся к элементарным восприятиям и установлению первых простейших временных связей. В дошкольном возрасте при большом богатстве восприятий и реакций детей на внешние раздражения, при значительно большей переработке элементарного психического материала соматопсихические реакции и органические влечения играют большую роль в их психике. В подростков

ного влияния на него последней. Неправильное развитие мозга может привести к идиотизму, при котором человек почти совершенно недоступен социальным влияниям. Если человека исключить из социальных влияний, не дать ему посредством речи и социального общения психических богатств, которые накопило человечество, то он останется на уровне животного. Человек становится человеком благодаря общественному бытию. Только социальное бытие человека порождает его специфически человеческое сознание. Случайные и постоянные влияния среды, обучение и воспитание, имеющие целью оказать организованное влияние, — все это создает подготовку к жизни. С достижением соматопсихической зрелости связывается признание социальной зрелости человека. Соматические влияния на психику в ходе развития все больше отходят на задний план. С вступлением в самостоятельную жизнь расширенный социальный опыт накапливается до конца жизни.

Сознание человека в разные возрасты детства, в юности, в расцвете сил, в старости меняется в связи с меняющимися социальными влияниями. Наряду с изменчивостью сознания у индивида вырабатывается и известное относительное постоянство личности и ее сознательных реакций. В старости возрастает значение соматопсихических реакций в связи с изменениями в вегетативно-эндокринной системе и с изменениями в органах тела. Сходство в соматопсихических особенностях ведет к тому, что, хотя социальная среда накладывает на человека свою печать с раннего детства, ребенок в некоторых реакциях (моторика, эмоциональная живость и пр.) больше похож на детей одного с ним социального класса и даже других классов, чем на самого себя в старости.

Соматопсихические реакции составляют фон, на котором разыгрываются высшие психические реакции, причем в детстве и в старости они играют более значительную роль в психике. Круг представлений и понятий, мышление субъекта и направленность последнего, желания, цели, надежды, гнев и симпатии, страхи и опасения, установки и направленность реакций определяются социальным бытием человека. Разница в сознании и в сознательных реакциях людей так велика, как велико различие в условиях жизни, формирующих сознание. Исторически менялось общественное классовое и индивидуальное сознание в связи с изменениями условий социального бытия.

Меняется и сознание каждого индивида в истории его жизни. Оно меняется как со стороны содержания в связи с ходом его социального опыта, так и со стороны формы в силу изменения функциональных возможностей психики и изменчивости соматопсихических процессов в онтогенезе.

О сознании с формальной стороны

Сознание как функция мозга. Суждения философов идеалистического направления о сознании носили абстрактный характер. Сознание трактовалось ими как проявление духовного начала, совершающегося независимо от материи. С точки зрения диалектического материализма сознание человека рассматривалось классиками марксизма как отражение его бытия, как производное его жизни с ее специфическими условиями и исторической изменчивостью. При этом устанавливалась преимущественно зависимость содержания сознания от социального бытия. Но с точки зрения диалектического материализма проблема сознания этим не исчерпывается. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «...упущен еще только один момент, который, правда, и в работах Маркса, и моих, как правило, недостаточно подчеркивался... А именно — главный упор мы делали, и *должны были делать*, сначала на *выведении* политических, правовых и прочих идеологических представлений и обусловленных ими действий из экономических фактов, лежащих в их основе. При этом из-за содержания мы тогда пренебрегали вопросом о форме: какими путями идет образование этих представлений и т. п.» (Энгельс, т. 39, с. 82).²

Сознание есть отражение бытия, но социальные влияния нельзя представлять как какие-то нематериальные духовные влияния. Сознание — функция мозга. Как осуществляется эта функция? Какова структура физиологических процессов, с которыми связано сознание? Все психические процессы являются свойством особым образом организованной материи. Другими словами, они являются процессами психофизиологическими. Для изучения сознания в целом необходимо изучение его не только со стороны психологического содержания, но и со стороны формы — со стороны физиологической. Для трактовки сознания со стороны формальной — как явления психофизиологического — большой материал дает в настоящее время физиология. Далее, обильный материал для выяснения вопроса дают психиатрия и невропатология. При нервных и психических заболеваниях

и установки данного лица как отражение социальных условий, в которых протекает его жизнь, но имеется огромный материал для понимания сознания как функции мозга и для ответа на вопрос, как, при посредстве каких психофизиологических процессов происходит передача влияний экономических факторов на психику.

Изучение материальных процессов, с которыми связано сознание, показывает их чрезвычайную сложность и связь с жизнедеятельностью всего организма. Что сознание есть функция коры головного мозга, — это доказывается огромным экспериментальным и клиническим материалом. Наркотики, яды, бактериальные токсины, перерыв кровоснабжения мозга, например при прижатии сонных артерий, удар по голове, сотрясение мозга могут нарушать или выключать деятельность коры головного мозга и вызывать помрачение сознания в той или иной степени, вплоть до полного его выключения. Сон представляет бессознательное состояние, периодически наступающее у здорового человека. И. П. Павлов показал, что сон — не что иное, как торможение корковой деятельности. Торможение может возникать в коре первично, или же деятельность коры прекращается вторично вследствие прекращения доступа к ней раздражений извне и изнутри организма. Оперативное выключение трех главных органов чувств у собаки (Галкин, 1933; Абуладзе, 1936) ведет к тому, что сон становится главным фоном ее существования. Штрюмпель и Зейфарт (1932) описали случай, когда у человека наблюдалась полная анестезия всего тела и односторонняя слепота и глухота. Закрыв больному функционирующие глаз и ухо и отрезав его тем самым от внешних раздражений, можно было во всякое время погрузить его в глубокий сон. Нет деятельности коры головного мозга — нет и сознания.

Опыты Г. П. Зеленого (1912) с удалением коры головного мозга у собак показали, что кора является органом, где образуются и хранятся временные связи.

тельности (речи и целевых действий) и к нарушению отношений к социальной среде.

Изучение заболеваний головного мозга дало ценные сведения о функционировании мозга и связи психических процессов с деятельностью мозга. Оно показало, что мозг действует как единое, но высокодифференцированное целое. При поражениях мозга наблюдаются общемозговые и местные явления. При поражении определенного участка мозга преимущественно страдает та или иная специфическая деятельность, и одновременно вся психика перестраивается по типу, в той или иной степени характерному для данной локализации поражения. Замещение функции поврежденного участка другими отделами мозга происходит на более низком уровне.

Участок мозга может функционировать как до известной степени самостоятельная единица и как интегрированная часть целого. При разных актах он может включаться в разные системы, функционируя в разных конstellляциях по-иному.

Изучение мозговых поражений показывает, что субъективно простые акты: узнавание увиденного человека, короткая фраза, чирканье спичкой — связаны с работой сложнейших, согласованно действующих физиологических механизмов, повреждение которых ведет к нарушению отдельных психических актов и одновременно оказывает влияние на общую интеграцию психических процессов. С чрезвычайной четкостью выступает единство физиологических и психических процессов. Такие акты, как речь, простейшие целенаправленные действия представляют тот материал относительно более простых реакций, из которых строятся сложные сознательные акты. Изучение их прокладывает один из путей к уяснению структуры сознания с физиологической стороны.

С полной несомненностью установлено, что важнейшие психические функции: память, мышление, активное внимание, высшие эмоции — связаны с деятельностью коры головного мозга.

Мозг является органом

И. П. Павлов показал, что то явление, которое получило в психологии название ассоциации и которое имеет огромное значение в механизме памяти, представляет проявление одного из основных законов деятельности коры головного мозга — закона временной связи. Без памяти нет восприятия, нет мышления, нет реакций, основанных на следах протекших эмоциональных возбуждений, нет активного внимания. Способность мозга сохранить следы протекших возбуждений делает возможным продленное действие социальных влияний. Память о переживаниях, испытанных в детстве, иногда остается на всю жизнь. Ею обуславливается субъективное единство на протяжении всей жизни индивида и т. д. Травмы мозга и всякого рода поражения коры головного мозга показывают связь психических функций с деятельностью мозга, а преимущественное поражение той или иной психической функции показывает значение отдельной функции для общей согласованной деятельности психики в целом.

Интересный «патопсихологический эксперимент» представляет корсаковский психоз, наступающий при алкоголизме, отравлении окисью углерода и проч. У больного сохраняются воспоминания о прошлых событиях, но выпадают из памяти все переживания за время болезни и за некоторый период до начала ее, а также совершенно расстраивается память на текущие события. То, что такие больные переживают, они забывают почти моментально. Больной не узнает окружающих его новых лиц, не знает их имен, не помнит времени, не знает, где находится. При этом есть, конечно, некоторое понижение психики в целом, так как при целостности психики частное нарушение оказывает известное влияние на функционирование целого. Такое соотношение психических функций при корсаковском психозе ведет к тому, что индивид оказывается в высокой степени беспомощным, его адаптация к жизни крайне затруднена. Свой дефект он компенсирует на основании сохранившихся запасов памяти прошлого и при помощи интеллекта. Он часто отвечает по догадке. Не зная точно, где находится и как сюда попал, он на основании вида внешних предметов говорит, что находится

превращается в бессмысленное существо. Огромный материал, накопленный естествознанием, включая сюда и медицину, показывает, что сознание есть функция головного мозга, в основе которой лежит способность коры мозга запечатлевать, хранить и воспроизводить следы протекших в ней возбуждений.

Наблюдения над влиянием на психику физико-химического состояния тела (голод, жажда, температура тела), а также изучение влияния на психику желез внутренней секреции (например, щитовидной) показали, что свои психические функции мозг выполняет в связи с жизнедеятельностью всего организма.

Сознание как результат интеграции психофизиологических функций. С формальной стороны сознание есть высшая функция человеческого мозга, основанная на интеграции всех его психофизиологических функций. Оно служит для осуществления его основных задач: самосохранения, сохранения рода и достижения оптимума условий существования организма — и заключается в восприятии раздражений, возникающих внутри организма и поступающих извне, в переработке их на основании следов, оставленных в коре мозга прошлым жизненным опытом, и в вытекающих отсюда реакциях, направленных на выполнение сознанием его задач.

Наличие психических переживаний, основанных на воспроизведении в коре мозга следов протекших возбуждений, еще не равнозначно сознанию. Сновидения — возникновение образов вследствие эндогенно возникающего возбуждения коры головного мозга без адекватной связи с внешними раздражителями — мы не считаем сознательными психическими актами, то же самое нужно сказать про лихорадочный бред. Больной при нем имеет очень разнообразные, большей частью тяжелые переживания: возникают разнообразные галлюцинаторные образы и картины, он испытывает страх и т. д. Переживания обильны и очень ярки, но сознания нет.

Структура сознания

ется некоторое время во внешней обстановке (где он, как и зачем сюда попал). При инфекциях наблюдаются также бредовые состояния, когда вследствие обильных слуховых и зрительных галлюцинаций расстраивается предметное сознание, сознание внешнего мира, а следовательно и отношение к нему, и в то же время сознание собственной личности может быть сохранено. Приведенные факты показывают, что самосознание и предметное сознание, слагаясь, определяют сознание здорового индивида. Из их интеграции вытекает поведение человека. Таким образом, с формальной стороны признаками сознательности является наличие самосознания, предметного сознания и адекватное тому и другому поведение индивида.

На основании сложной психофизиологической интеграции организма создается единство личности, получающее свое субъективное выражение в слове я. В основе этого понятия лежит самоощущение субъекта как организованного целого, хранящего следы прошлого жизненного опыта, с основанными на нем готовностями к реакциям, с субъективным сознанием непрерывности своего существования. Я как организованное целое, с его потребностями, тенденциями, установками, противостоит внешней среде, которая является объектом его предметного сознания. Предметное сознание субъекта, как и его самосознание, складывается на основании сложной интеграции психических процессов. Предметное сознание не есть зеркальное отражение объективной реальности, данное только наличным раздражением. Оно возникает в процессе объединения запаса жизненного опыта индивида с новыми воздействиями, исходящими из объективной реальности. Уже элементарное восприятие, узнавание есть результат объединения следов прошлого с наличным раздражением. Каждая психическая функция может протекать на разной высоте, с разной степенью совершенства, и это оказывает влияние на выполнение сознанием его функции. Амплитуда колебания у здорового человека отдельных психических функций: памяти, мышления, аффективности и воли — очень широка.

В отношении мышления приходится сказать, что и гений, и ограниченный, тупой человек обладают

личности. Но при действии сильного аффекта у людей возбудимых действие может совершиться по типу короткого замыкания. Разряд внезапно вспыхнувшего аффекта может произойти как взрывчатая реакция, обходя целостную личность. Несоответствие реакции основным свойствам личности сказывается в последующем сожалении, раскаянии в совершенном действии.

Аффект иногда нарастает постепенно, но при этом может иметь такую силу, что всецело охватывает личность, достигает силы доминанты, все противоречащее действию представления подавляются и не возникают. Действие, вызванное сильным аффективным побуждением, иногда может представлять по внешности как будто осмысленное и координированное целое, но оно не проходит «через интерполяцию» целостной личности и отколото от нее. Аффективность влияет на постановку цели мышления и действует включающим и выключающим образом на ход ассоциаций. Сильный аффект фиксирует в сознании узкий круг ассоциаций и может действовать тормозящим образом на ход интеллектуальных процессов. Наоборот, эмоциональная тупость вызывает понижение тонуса психики, сопровождается вялостью психических процессов.

В действии аффективности на сознание разворачивается целая шкала вариантов. От снижения психического тонуса вследствие эмоциональной тупости через реакции, в которых в полной мере сказываются основные свойства личности и ее социальные установки, а интеллектуальные и эмоциональные процессы протекают в благоприятном для психической реакции соотношении, ряд вариантов реакций с нарастающим подавлением мышления аффективностью ведет к реакциям, протекающим по типу простого рефлекса.

Как правило, в обстановке спокойного течения жизни наиболее благоприятно действуют на достижение сознанием его цели аффективные влияния средней силы. Конечно, в исключительных условиях острое действие гнева, ненависти, подавляющее вся

он совершил во время транса. При этом имеется восприятие внешних воздействий и соответственные ответные реакции, но внешние действия не вызывают реакций целостной личности с ее прошлым жизненным опытом, и отношение к внешнему миру не носит характера разумной активности, вытекающей из целей и установок данной личности. Психический синтез с основными свойствами личности нарушен, и кажущаяся сознательность поведения скрывает резкое сужение базы, на которой возникла реакция. Сознательность действия зависит от полноты базы психических связей, из которых вытекает реакция. Как пример сужения сознания у здорового человека можно привести влияние аффективности на интеллектуальные процессы, когда сознание приковывается к ассоциациям, связанным с эмоцией или сильным влечением, а мысли, не гармонирующие с господствующей аффективной реакцией, не идут в голову (печаль, радость, голод и т. д.).

Подводя итог, можно сказать: сознания как отдельной психической функции, существующей помимо и независимо от других психических функций, нет. Оно строится путем интеграции мышления, аффективности и воли в высшее функциональное единство, обуславливающее упорядоченность хода психических процессов и целенаправленность человеческого поведения. Яркую картину нарушения интеграции мышления, аффективности и воли в функциональное единство дает шизофрения. При этом возникает такой распад и разброд психических функций, который получил название интрапсихической атаксии и при котором выполнение сознанием его функции становится невозможным.

О ясности сознания. От полноты сознания отличается ясность его. При оптимальном состоянии сознания наблюдается отчетливость и ясность восприятий и легкость хода психических процессов. Ясность сознания колеблется у здорового человека: может быть «ясная» и «неясная», «тупая» голова. Состояние пониженной ясности сознания может быть результатом общего состояния организма: при утомлении, сонливости, легкой инфекции или других соматических заболеваниях

«Как часть природы каждый животный организм представляет собою сложную обособленную систему, внутренние силы которой каждый момент, покуда она существует как таковая, уравновешиваются с внешними силами окружающей среды» (Павлов, 1951а, с. 124). Структура организма такова, что, воспринимая раздражения внешние и внутренние, он отвечает на них так, как это необходимо для сохранения индивида и рода.

Перед всяким организмом стоят две главнейшие задачи, составляющие для него вопрос жизни и смерти: 1) обеспечение физико-химического постоянства тела; 2) сохранение целостности организма, охрана от угрожающих его существованию вредных внешних воздействий. Сюда нужно прибавить еще одну важнейшую задачу — сохранение рода. Из органических потребностей вытекают мощные импульсы, диктующие активное отношение к внешнему миру. Решение этих задач осуществляется не разрозненно функционирующими органами, а объединенной деятельностью всего организма.

Функциональное единство организма, функциональная связь органов (*consensus partium* — согласование частей), необходимые для выполнения сказанных задач, осуществляются анимальной⁵ и вегетативной нервной системами и гуморальной связью. Реакции анимальной нервной системы и вегетативно-эндокринной системы протекают во взаимной связи, своей согласованной деятельностью создают функциональное единство организма, ведут его к достижению основной задачи — самосохранению и созданию условий, необходимых для его существования.

Вместе с синтезом организма в единое целое происходит психический синтез индивида, получающий свое выражение в слове я. Субъективный психический синтез своей основой имеет синтез физиологический и находится с ним в неразрывном единстве.

